

ТАТЬЯНА СОБОЛЬ

ПАРИ ДЛЯ БОССА

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Татьяна Соболев

Пари для босса

«Автор»

2025

Соболь Т.

Пари для босса / Т. Соболь — «Автор», 2025

В мире цифр и аналитики Алиса Воронцова - непревзойденный виртуоз, но в лабиринте любви она - лишь заблудившаяся душа. Когда предательство мужа разбивает ее сердце вдребезги, Алиса решается на отчаянный шаг - одну обжигающую ночь с таинственным незнакомцем. Но судьба - та еще проказница! Вскоре Алиса с ужасом узнает, что ее случайный любовник - не кто иной, как ее новый босс, печально известный Монстр, тиран и самодур. И что еще хуже - он даже не узнает ее! Движимая амбициями, Алиса заключает рискованное пари. Ставка? Должность личного помощника генерального директора. Но удержаться на этом месте - настоящее испытание на прочность! Окунитесь в водоворот страстей, интриг и неожиданных поворотов судьбы в этом захватывающем романе о любви, которая не признает корпоративных границ!

© Соболь Т., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Алиса	8
Глава 2. Алиса	16
Глава 3. Александр	20
Глава 4. Алиса	24
Глава 5. Александр	30
Глава 6. Алиса	33
Глава 7. Алиса	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Татьяна Соболев

Пари для босса

Пролог

Свобода горчила разбитыми мечтами. Едкий привкус предательства жжет горло сильнее, чем крепкий алкоголь. Неоновые огни мерцали, блики трепетали в бокале, который дрожал в ее руке.

Что делает женщину счастливой? Любовь? Успех? Свобода?

Она вновь и вновь задавалась этими вопросами без ответов, глядя на ту незнакомку, что отражалась в зеркальной стене за спиной бармена. Тонкая рука скользнула по волосам, все еще не привыкшим к внезапно обретенной свободе. Пряди, каждое утро укрощаемые в тугий пучок, сейчас рассыпались по плечам непокорными локонами, заставляя неловко ежиться. Они щекотали шею. Путались в сережках. Падали на лицо.

Такие же мятежные, как их хозяйка этим вечером.

Глаза, обычно спрятанные за дымчатыми стеклами очков, сегодня смотрели на слегка размытый мир по-новому. Взмах ресниц — и в отражении опять мелькнула незнакомка. Та, кем могла бы стать, если бы не годы, проведенные в попытках соответствовать чужим ожиданиям.

Платье цвета спелой вишни обнимало тело, подчеркивая изгибы, но суетливые пальцы то и дело теребили подол, выдавая смущение. Непривычная легкость ткани заставляла то и дело поправлять бретельки, словно девушка пыталась удержать не только платье, но и остатки прежней жизни.

Мир вокруг казался нечетким.

Без очков, оставленных дома вместе с другими атрибутами прошлого, ощущалась странная уязвимость. Но в этой уязвимости таилось волнующее, почти забытое чувство свободы.

— Еще, — она подняла пустой бокал, подзывая бармена. Ей померещилось в его взгляде легкое осуждение, но... Пусть катится к чертям.

Сегодня она будет другой. Дерзкой. Свободной. Незнакомой даже самой себе.

Сегодня хотелось забыть. О предательстве. О грядущем одиночестве. О ледяной пустоте в груди там, где когда-то жила любовь.

Внезапно кожа вспыхнула, словно от прикосновения горячей ладони. Девушка вздрогнула, ощущая, как по обнаженной спине пробежали мурашки. Медленно, будто во сне, она обернулась.

Время остановилось.

Мужчина, ожегший взглядом, стоял в нескольких шагах от нее.

Его лицо словно было вырезано из камня каким-то безумным, но гениальным скульптором. Острые углы скул, прямой нос, упрямый подбородок. А глаза... Они напоминали черные дыры — затягивали, не оставляя шансов на спасение. Шрам, рассекающий бровь, оказался тем самым штрихом, который превратил просто красивое лицо в произведение искусства. Мужчина двигался, как большая кошка в джунглях — плавно и с затаенной угрозой. Каждый его жест был наполнен той небрежной грацией, которая выдает породу и которую не купишь ни за какие деньги.

Время остановилось. Он был как запретный плод — ее тело заныло от томления и само потянулось к нему, как цветок к солнцу. Она понимала, что эта сжигающая страсть ее погубит, но ничего не могла с собой поделать.

Он улыбнулся.

Сердце пропустило удар, а затем заколотилось с бешеной скоростью. Воздух вокруг нее словно сгустился, стал тяжелым и вязким. Каждый вдох давался с трудом.

А потом она почувствовала аромат.

Терпкий аромат сандала, нотки чего-то цитрусового и что-то неуловимо мужское, присущее только ему. Этот запах окутал ее, проникая в каждую клеточку тела, заставляя голову кружиться. Острое, почти болезненное влечение накрыло с головой. Все мысли о прошлом, о предательстве, о разбитом сердце – все исчезло. Остался только он. Его глаза. Его порочная улыбка. Его запах.

Она качнулась навстречу, как мотылек, летящий на огонь. Понимая где-то на краю сознания, что это опасно, что она может обжечься. Но ей было все равно.

Мир сузился до точки. До него. Незнакомца, который одним взглядом разбудил в ней чувства, о существовании которых она даже не подозревала.

— Потанцуем? – его голос, низкий и бархатистый, прозвучал как обещание. Обещание хотя бы на мгновение почувствовать себя желанной, живой.

— Почему бы и да, — улыбнулась она, чувствуя, как лед внутри пошел трещинами.

Горячая рука коснулась ее талии. Мир вокруг исчез.

Они танцевали, не замечая ничего вокруг. О чем-то говорили. О чем? Неважно. Он притягивал ее все ближе. Шептал комплименты. Голова кружилась — от виски, от его близости, от собственной дерзости. Лед, сковавший сердце, таял, уступая место чему-то новому, пьянящему.

— Уйдем отсюда? – тихо попросил он, его дыхание щекотало ухо.

Она на мгновение замерла, растерянная. Вот так просто? Да за кого он ее... Но в голове мелькнули образы: ее застывшее лицо в запотевшем зеркале, чемоданы в прихожей, лед одиночества. Нет. Хватит.

Кивнула.

— Да.

Он улыбнулся, как настоящий демон-искуситель, и потянул ее за собой к черному входу.

Такси подъехало быстро, она даже не успела ощутить обнаженными плечами прохладу вечернего города. В салоне автомобиля неуверенность вновь потянула ее на дно самоедства. Но рука прикоснулась к руке, и внутренний голос умолк, захлебнувшись в эйфории безрассудного предвкушения.

Двери лифта разъехались, открывая вид на роскошный коридор. Он вел ее за руку, уверенно и нетерпеливо. Сердце билось где-то в горле.

Едва закрылась дверь люкса, как реальность взорвалась фейерверком ощущений.

Он смял ее губы в жадном, почти отчаянном поцелуе.

От прикосновений огонь вождения запылал, как лесной пожар. Руки скользили по телу, оставляя за собой дорожки мурашек и пробуждая каждый нерв. Она выгнулась навстречу, прижимаясь ближе, желая раствориться в его объятиях и забыть обо всем на свете.

Шорох. Платье упало. Шелк растекся по полу, словно дорогое вино.

Пиджак последовал за ним – тяжело, решительно. Прохлада. Кожа. Мурашки.

Его руки – огонь, плавающий воздух и реальность, скользили по ее телу, каждое прикосновение было как искра, зажигающая новый очаг пламени в глубине ее существа.

Он поднял ее. Легко. Невесомо.

Мир закружился в головокружительном танце, цвета и формы слились в калейдоскоп ощущений, где единственной константой оставались его глаза – два омота, затягивающие в порочные глубины.

Их губы слились воедино, не желая разлучаться, в поцелуе, который, казалось, мог остановить время и заставить вселенную вращаться вокруг этого момента, этой комнаты, этой кро-

вати. Вкус – терпкий виски и сладкая тайна. Постель приняла их в свои объятия, прохладный шелк ласкал кожу, создавая контраст с жаром их тел, сплетающихся в извечном танце страсти.

Губы на шее – дрожь. Поцелуй между ключиц – вздох. Ниже, ниже, еще ниже. Каждое прикосновение – электрический разряд, пробегающий по нервам, заставляющий каждую клеточку тела петь от наслаждения, вибрировать в унисон с биением их сердец.

Тело выгибается навстречу. Стоны срываются с губ – тихие, нежные, страстные, сливаясь в симфонию желания, которая заполняет комнату, отражаясь от стен и возвращаясь к ним усиленным эхом их страсти.

Кожа к коже. Дыхание к дыханию. Сердце к сердцу.

Волна накрывает. Смывает. Уносит. Они растворились друг в друге, теряя границы тел, становясь единым существом, пульсирующим в ритме, древнем, как сама жизнь.

Руки скользят. Лепят. Создают. Он – скульптор, она – его величайшее творение, и в этот момент они оба – и художник, и полотно, создают шедевр, который никогда не увидит свет, но навсегда останется выгравированным в их душах.

Губы оставляют влажные следы. Искры удовольствия разбегаются от них, как круги по воде, расходясь волнами экстаза по всему телу, заставляя каждый нерв петь от наслаждения.

Шепот. Едва слышный. Оглушительный. Слова проникают под кожу, растекаются по венам жидким золотом, наполняя каждую клеточку тела сладким ядом страсти, от которого нет и не может быть противоядия.

Сердце плавится. Пульсирует. Грохочет.

Мир сузился до точки соприкосновения. Время остановилось. Растянулось. Исчезло. В этот момент существовали только они, два сердца, бьющиеся как одно, два тела, ставшие единым целым, два дыхания, слившиеся в один вдох.

Вдох.

Выдох.

Вдох.

Выдох...

Воздух густой. Сладкий. Пьянящий. Пропитанный их ароматами – смесь страсти, желания и чего-то неуловимо личного, уникального коктейля их сущностей, смешавшихся в этом моменте абсолютного единения.

Наращение. Напряжение. Дрожь.

Стон прорезал тишину – глубокий, вибрирующий, пронзающий до самых костей, словно первобытный крик, вырвавшийся из глубин души, выражающий то, что невозможно передать словами. Волна накрыла их одновременно, смывая все барьеры, унося прочь все мысли и сомнения, оставляя лишь чистое, незамутненное блаженство, разбивая их на тысячи осколков и собирая вновь, но уже другими – преображенными этим опытом единения.

Тишина.

Блаженная. Всеобъемлющая. Живая.

Лишь сердца бьются в унисон, постепенно замедляясь, успокаиваясь, синхронизируясь в ритме, который теперь принадлежит только им двоим – тайный код их связи, недоступный никому другому.

Капли пота остывают на коже – медленно, лениво, оставляя за собой дорожки мурашек, последние отголоски пережитого наслаждения, напоминание о моменте, когда два существа стали одним.

Забывать о прошлом. Не думать о будущем. Просто чувствовать.

Глава 1. Алиса

Я нервно одернула блузку, стоя перед массивной дубовой дверью кабинета начальника. Мысленно прошептала любимую мантру «Как я хочу, так и будет» и, глубоко вздохнув, постучала.

— Войдите, — раздается низкий, чуть хрипловатый голос Виктора Сергеевича.

Кабинет начальника аналитического отдела дышал холодной прагматичностью цифр и графиков. Массивный Т-образный стол, словно бастион, возвышался в центре комнаты. Идеально чистая поверхность была усеяна строгими рядами папок и распечаток, выровненных с почти маниакальной точностью.

Приглушенный свет сочился сквозь жалюзи, отбрасывая на пол тени, похожие на прутья клетки. Воздух был пропитан резким запахом антисептика, смешанным с нотками дорогого, но слишком навязчивого одеколона. На столе красовалась табличка «Время — деньги». Единственным намеком на человечность была небольшая фоторамка. Красивая блондинка держит на коленях очаровательного малыша.

Виктор Сергеевич оторвался от бумаг и поднял на меня глаза. Его взгляд, внимательный и цепкий, скользнул по моей фигуре. Серые глаза под тяжелыми веками, казалось, видели насквозь, считывая малейшие нюансы моего настроения.

Седина на висках и выбритый до синевы подбородок придавали ему солидности, подчеркивая природную харизму. Дорогой костюм сидел безупречно, обрисовывая фигуру, еще хранящую следы былой подтянутости, но уже уступившую намечающейся полноте.

От его оценивающего взгляда по спине пробежал неприятный холодок. Стекло. Битое стекло, холодное и бездушное — вот что мне напомнили эти серые глаза.

— Алиса Михайловна, чем обязан? — спросил Виктор Сергеевич с едва заметной улыбкой.

— Виктор Сергеевич, могу я уйти сегодня пораньше? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — У меня зуб разболелся, нужно к стоматологу.

Начальник откинулся на спинку кресла, не сводя с меня глаз. Кожа скрипнула под его весом.

— Зуб, значит? — протянул он. — И сильно болит?

Почувствовала, как краска приливает к щекам. Я не привыкла лгать, даже если это ложь во спасение.

— Да, сильно, — ответила, стараясь звучать убедительно. — Боюсь, если не пролечить сейчас, потом будет хуже.

— Хм, — Виктор Сергеевич задумчиво выбил дробь пальцами по столу. Золотой перстень на его руке тускло блеснул в свете настольной лампы. — А как же отчет по квартальным продажам? Вы ведь знаете, насколько он важен.

— Не волнуйтесь, Виктор Сергеевич, — сказала я твердо, чувствуя укол вины за свою маленькую ложь. — Я уже почти закончила его. Осталось только внести последние правки. В понедельник утром он будет у вас на столе, даже если придется поработать дома.

Виктор Сергеевич помолчал, явно оценивая ситуацию. Я почувствовала, как по спине стекла капелька пота, впитываясь в шелковую подкладку пиджака.

— Ну хорошо, — наконец сказал он, слегка кивая. — Раз уж это так важно для вашего здоровья... Можете идти.

— Спасибо большое! — с облегчением выдохнула я. — Обещаю, отчет будет у вас вовремя.

— Постарайтесь лучше следить за здоровьем, Алиса Михайловна, — добавил Виктор Сергеевич, когда я уже повернулась к двери. — И еще. Давайте как-нибудь вместе пообедаем. Обсудим ваши карьерные перспективы.

Я замерла на мгновение, чувствуя, как внутри все сжимается. Его интерес ко мне становится все более очевидным, и это пугает.

— Хорошо, Виктор Сергеевич, — ответила, стараясь, чтобы голос звучал как можно более нейтрально. — Я подумаю над этим.

Выйдя из кабинета, прислонилась к прохладной стене коридора и закрыла глаза. Чувство вины за небольшую ложь смешалось с радостным предвкушением вечера. «Ничего, — подумала я, — это того стоит. Игорь заслуживает самого лучшего сюрприза».

Мысль об Игоре заставила меня улыбнуться. Представляю его удивленное лицо, когда он увидит накрытый стол и свечи. Мы так давно не баловали друг друга простыми маленькими радостями. Ради этого стоило слегка покривить душой.

Я выбежала из бизнес-центра, полная надежд и предвкушения, как воздушный шарик, готовый взлететь в небо. Три года семейной жизни с Игорем, казалось, должны были увенчаться чем-то особенным. Интересно, чем он меня порадует? В последние дни он такой загадочный. Наверняка готовит что-то грандиозное. От этой мысли в животе порхали бабочки, а сердце сладко замирало.

Минут через тридцать Марина, моя заклятая подруга и по совместительству лучший стилист города, усадила меня в кресло и принялась колдовать над прической, превращая привычный строгий пучок в стильную укладку. Ее ловкие пальцы уверенно работали с моими волосами, то и дело хватая нужные инструменты со столика, стоящего рядом. Изящные серебряные серьги-капельки в ушах подруги мягко покачивались в такт ее движениям, придавая ей вид сосредоточенной, но элегантной волшебницы.

— Ну-ка, выпрями спину и расправь плечи! — скомандовала она, слегка хлопнув по спине. — Ты у нас секс-бомба или «мышка-норушка»?

Я выпрямилась перед зеркалом, невольно отмечая, как блузка вдруг обрисовала контуры тела, которые я так долго игнорировала. Мой взгляд остановился на отражении — кто эта женщина с едва заметным блеском в глазах? На мгновение показалось, что я вижу в своих чертах отголоски красоты матери.

Внезапно нахлынули воспоминания, яркие и болезненные, словно свежая рана.

Кабинет отца. Десять лет назад.

Тяжелые шторы приглушают дневной свет, создавая полумрак. Запах кожи и старых книг. Массивный письменный стол, за которым отец, настоящий полковник, кажется еще более внушительным и неприступным. На столе разложена косметика, которую отец обнаружил в моей комнате.

Его голос режет воздух, жесткий и непреклонный, словно наждачная бумага: «Алиса, запомни раз и навсегда. Успеха добиваются мозгами, а не внешностью. Красота пройдет, а ум останется».

Я съеживаюсь под его пронизывающим взглядом, чувствуя, как каждое слово вбивается в кожу. Сердце колотится где-то в горле, а в голове бьется одна мысль: «Только бы не расплакаться».

И вдруг, как вспышка, озарение: отец никогда не простит мою мать. А я... я ведь так на нее похожа. Та же линия скул, те же глаза, даже жесты. Неудивительно, что отец кривится каждый раз, когда смотрит на меня. В его глазах я вижу отражение своей матери — той, что выбрала блеск софитов вместо семейного уюта и радости материнства. И с каждым днем я все больше становлюсь для него живым напоминанием о предательстве, которое он так и не смог пережить.

«Ты не станешь такой, как она», — эти слова повисают в воздухе, не произнесенные, но ясно слышимые. И я киваю, глотая слезы и давая молчаливое обещание.

Я очень любила отца. И всегда хотела растопить лед в его глазах. Поэтому с тех пор «серая мышка» стала моей второй натурой. Неброские костюмы, очки в тонкой оправе, волосы, туго затянутые в пучок — моя защита от мира и от собственной природы. Казалось, только так можно заслужить уважение отца и доказать свою ценность. Но сейчас, разглядывая отражение, я вдруг задумалась: разве красота и ум враги? Разве нельзя выглядеть привлекательно и при этом оставаться профессионалом. Мама выбрала карьеру актрисы, предав отца и меня. Но зато осталась верна своей мечте...

Но разве это значит, что теперь я, во искупление ее грехов, должна полностью отрицать свою женственность?

— Вот так-то лучше! — голос Марины вернул меня в реальность. — Поверь, подруга, немного усилий и ты затмишь всех, даже меня. А это, поверь, непросто!

Я не могла не улыбнуться. Марина всегда была моей полной противоположностью — яркая, шумная, безудержная, как цунами, в то время как я всегда старалась быть тихой и незаметной, словно робкий лесной ручеек. Но сегодня... сегодня я чувствовала, что готова к переменам.

— Итак, у вас сегодня особенный день? — спросила Марина, ловко орудуя расческой. Ее глаза в зеркале буквально искрились любопытством. — Три года с твоим ненаглядным Игорем, да? Колись давай, что он тебе приготовил? Кольцо? Или... — она понизила голос до заговорщицкого шепота, — поездку на Мальдивы? Или как обычно — картинку в рамочке? Он все еще пишет свой «шедевр»?

Я почувствовала, как жар румянца заливает щеки, а сердце начинает биться чаще.

— Ну Марина!

— Ой, да брось! — подруга фыркнула, ловко закручивая очередной локон. — Знаю я твоего Игорька. Хотя... Три года вместе в наши скоростные времена — это не шутки. Надеюсь хоть в этот раз он не облажается. Колись давай, подруга! Кстати, если соберетесь в театр или еще куда, у меня есть потрясающие идеи для вечернего образа...

Энтузиазм Марины был заразителен, и с каждой минутой волнение и предвкушение росли. Но где-то в глубине души шевельнулось странное беспокойство.

— Нет, правда не знаю, — пришлось признаться, теребя прядь волос. — Игорь в последнее время какой-то задумчивый, все время что-то в телефоне пишет...

— Ага! — торжествующе воскликнула Марина. — Значит, точно что-то готовит! Столик в ресторане бронирует? А может... — она снова понизила голос и наклонилась ближе к моему уху, — с турагентством списывается? Вы же так и не выбрались в свадебное путешествие

Румянец снова залил щеки, но на этот раз не удалось сдержать широкую улыбку. Мысль об очередном медовом месяце заставила сердце пропустить удар.

— Ну хватит уже! Сглазишь еще...

Я на мгновение замолчала, собираясь с мыслями. Потом, словно решившись, тихо добавила:

— Знаешь, Марина, если честно... У меня тоже есть кое-что для Игоря.

Марина мгновенно наострила уши.

— Ого! Что же это?

Я глубоко вздохнула, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

— Помнишь, мы с тобой говорили о том, что я чувствую себя готовой к... новому этапу?

Глаза Марины расширились.

— Ты про... малыша?

Я кивнула, не в силах сдержать улыбку.

— Да. Я хочу предложить Игорю... начать пробовать. Знаешь, я даже таблетки не стала покупать. И купила маленькие пинетки. Хочу подарить их ему сегодня вечером.

— Алиса! Это же потрясающе!

— Надеюсь, — прошептала я, чувствуя, как внутри все замирает от волнения и предвкушения. — Я так долго ждала подходящего момента. И вот сегодня... Кажется, все складывается идеально.

Марина крепко обняла меня, осторожно, чтобы не испортить прическу.

— Ты будешь потрясающей мамой, подруга. А теперь давай-ка закончим с твоим образом. Сегодня ты должна выглядеть просто сногшибательно!

Я кивнула, чувствуя, как внутри разливается тепло. Сегодняшний вечер обещал стать началом чего-то нового, прекрасного. Я была готова к этому.

Мы с Игорем готовы.

Салон красоты остался позади, дорога домой пролетела как одно мгновение. Такси остановилось у подъезда. Выпорхнув из машины, я тут же почувствовала на себе любопытные взгляды нашего местного «лавочного дозора».

— Смотри, Кузьминична, жиличка из 113 квартиры приехала, — донеслось до меня шамканье Степановны.

Невольная улыбка тронула губы. Эти две старушки были неизменной частью пейзажа двора, и, хотя порой их любопытство раздражало, сегодня даже оно казалось милым.

— Добрый день, — поприветствовала я их, опуская на лавочку пакет с продуктами.

— Здравствуй, деточка, — закивали старушки. — Что ж ты сама такие сумки таскаешь? Неужто помочь некому? Ты вон худенькая какая. Как тростиночка. Того гляди, переломишься.

— Да они не тяжелые, — отмахнулась я, но их слова заставили меня задуматься. Действительно, почему Игорь никогда не встречает меня, не помогает с покупками?

Шагнула было к лифту, но лаконичная табличка «Ремонт» слегка испортила настроение. Придется идти пешком. Седьмой этаж, на минуточку. Пока поднималась по лестнице, воспоминания нахлынули волной. Как мы с Игорем въезжали в эту квартиру, пусть купленную в ипотеку, но все равно — свой уголок. Как были взволнованы, полны планов и надежд. Как он на руках внес меня через порог, заявив, что это древняя традиция и залог счастливой совместной жизни. А потом до утра сидели на полу среди коробок, пили шампанское из пластиковых стаканчиков, целовались так, что губы опухли, и мечтали о будущем.

Наконец, дверь квартиры. Ключ легко вошел в замок. Шаг в прихожую. Рука потянулась, чтобы положить ключи на полочку...

И мир застыл.

На полочке лежал бюстгальтер.

Я моргнула. Раз. Другой. Третий.

Бюстгальтер не исчез.

Ярко-красный. Кружевной. Вызывающе-чужой.

Он лежал у зеркала, словно издеваясь. Взгляд прикипел к этому кричаще-яркому пятну в привычном интерьере. Мысли путались, отказываясь складываться в логичную картину.

Откуда? Почему? Как?

В горле пересохло. Сердце забилось чаще, гоня по венам холодную волну страха и недоумения.

Это не мое. Не может быть моим. У меня никогда не было таких... пошлых вещей. Я всегда предпочитала простое, удобное белье. Ничего лишнего. Ничего вызывающего.

Голова закружилась. Нужно понять, что происходит. Откуда в нашей с Игорем квартире взялся этот чужой, кричаще-развратный предмет женского гардероба?

Шаг вперед. Рука потянулась. И тут же отдернулась, словно от огня. Нет. Это какая-то ошибка. Должно быть какое-то объяснение.

Ведь правда?

Взгляд заметался по прихожей, выхватывая детали.

Туфли-лодочки. Красные. Не мои.

Блузка. Белая. Женская. На полу.

Там же рубашка. Мужская.

Я закусила губу. Рубашка поддается опознанию. Это мой подарок Игорю на 14 февраля. Тот самый подарок, который я с такой любовью выбирала...

Воспоминание вспыхнуло ярко. Игорь примеряет эту рубашку. Кружит меня по комнате, напевая какую-то дурацкую песенку. У него никак не получается застегнуть запонки, потому что мы не можем перестать смеяться и целоваться.

Взгляд застыл на смятой ткани, а в груди разрослась ноющая боль. И тут из спальни донеслись стоны.

Странно, почему я не услышала их сразу? Словно мозг выдает информацию по частям. Сначала образы, теперь звуки. И запах. Удушающе-приторный аромат чужих духов.

Вы знаете, чем пахнет предательство? Я теперь знаю. Оно пахнет духами "Chanel №5" и отчаянием.

Под натиском фактов развеялись последние сомнения. В квартире посторонняя женщина. Но надежда умирает последней. Я хваталась за нее, как утопающий за соломинку. Вот сейчас поверну за угол, найду Игоря и все окажется совсем не так, как я тут навоображала. Наверняка у него есть логичное объяснение всем этим чужим вещам, разбросанным по нашей квартире. И звукам тоже...

Шаг, другой, третий... Осторожно заглянула в спальню. И задохнулась.

Измена — она как удар под дых. В солнечное сплетение. Туда, где еще секунду назад теплилась надежда.

Он. И она. На нашей кровати. Там, где еще вчера мы строили планы на будущее.

Воздух. Мне нужен воздух.

Легкие горели, отказываясь работать. В глазах потемнело, комната закружилась в безумном вальсе.

Измена. Какое простое слово. Всего семь букв. А сколько в нем боли, предательства, разбитых надежд.

Они еще не заметили меня. Поглощенные друг другом, счастливые в своем маленьком мире из простыней и подушек. А я стояла, застыв на пороге.

Невидимая. Ненужная. Лишняя.

Хотелось кричать. Бить посуду. Устроить сцену, достойную дешевой мелодрамы. Но я не могла издать ни звука. Словно кто-то нажал кнопку "стоп" на пульте моей жизни.

Сердце, еще минуту назад готовое выпрыгнуть из груди, теперь, казалось, остановилось. Замерло, как и весь мир вокруг. И в этой оглушительной тишине я вдруг услышала, как трескается и рушится все, во что я верила. Наша любовь. Наше будущее. Наше «долго и счастливо».

Игорь, тот самый единственный и ненаглядный, который еще вчера клялся в вечной любви, так страстно вколачивается в какую-то белобрысую незнакомку, что даже не заметил постороннего присутствия в квартире.

Мои губы невольно скривились в горькой усмешке. Еще бы. Такая страсть, такие стоны.

Девица разметала волосы по подушке, ее длинные ногти впились в спину Игоря, оставляя полосы, наливающиеся краснотой. Я отстраненно подумала, что уже видела подобные следы. В тот раз Игорь только отмахнулся и сказал, что поцарапался, когда под машиной что-то ремонтировал. И я с легкостью поверила человеку, который понятия не имеет, с какой стороны

за отвертку браться. По крайней мере, когда мы вместе собирали шкаф, отверткой работала я. Игорь лишь детали придерживал.

«Какая же я дура», — мелькнула отрешенная мысль.

Перед глазами пронеслись воспоминания. Вот Игорь впервые приглашает меня на свидание – неуклюжий, но такой очаровательный в своей неловкости. Наш первый поцелуй под дождем, когда мы прятались под козырьком какого-то магазина. Ночные разговоры о будущем, о мечтах, о том, как мы состаримся вместе...

Тем временем сценка из скабрезного хоум-видео получила логическое развитие. Девушка, в экстазе распахнув глаза, натолкнулась на мой отрешенный взгляд. И в этот момент я узнала ее. Вероника. Та самая, с которой мы нередко сидели за одним столиком в кафетерии во время перерыва на обед. Я сама познакомила ее с Игорем на одном из корпоративов, куда он меня вызвался сопровождать.

Пронзительный визг резанул по обугленным нервам. Игорь, сбившись с ритма, резко обернулся, и его лицо исказила гримаса ужаса.

— Алиса! Это... это не то, что ты подумала! — выпалил он.

Как банально и пошло. Будто тут остался простор для фантазии.

Время остановилось. Я наблюдала за горе-любовником, пытающимся выпутаться из простыней, и чувствовала, как внутри нарастает странное, почти истерическое веселье.

Вот он. Мужчина моей мечты. Герой. Рыцарь на белом коне.

Испуганный. Жалкий. Смешной.

Розовые очки пеплом обманутых надежд осыпались с глаз, обнажая неприглядную реальность. Каждое его неуклюжее движение, каждый испуганный взгляд, каждое заикающееся оправдание – все это вдруг стало ластиком, слой за слоем стирающим маску «настоящего принца». И что осталось?

Двуличность. Трусость. Эгоизм.

Волна отвращения накатила, сменяясь недоумением. Как можно быть настолько слепой? Как можно было любить это жалкое подобие мужчины? Верить пустым обещаниям? Лживым признаниям в любви?

Каждое воспоминание о совместных моментах теперь отдавало фальшью. Словно сцены из дешевого спектакля. Горечь разочарования смешалась с яростью. На Игоря – за предательство. На себя – за наивность и доверчивость.

Я почувствовала себя ребенком, которому вместо обещанной конфеты подсунули горькое лекарство.

В глазах зашипало. Но нет. Я не заплачу. Не доставлю ему такого удовольствия.

Вместо слез пришла холодная решимость. Вычеркнуть его из жизни. Вырвать с корнем каждое чувство. Каждое воспоминание.

Мой новый бывший все еще что-то бормотал. Оправдывался. Умолял. Но его слова уже не достигали сознания. Он перестал существовать как личность. Превратился в жалкую карикатуру на того человека, которого когда-то любила.

Взгляд скользил по его фигуре, но видел кого-то чужого. Незнакомца. Обманщика.

Вместо ожидаемой истерики накрыло ледяное спокойствие. Шаг в комнату, потом еще один. Взор скользнул по знакомым очертаниям спальни. Лампа, выбранная вместе. Картина, подаренная матерью Игоря на годовщину. Фотография первого совместного отпуска. Все эти вещи вдруг показались грязными, лживыми.

На секунду показалось, что я смотрю фильм о чьей-то чужой жизни. О женщине, которая думала, что у нее есть все: любовь, дом, будущее. И вдруг в одно мгновение она все потеряла.

— Алиса, давай поговорим, — Игорь, наконец справившись с простыней, сделал шаг вперед. — Я могу все объяснить...

Подняла руку, останавливая поток бессмысленных оправданий. Затем, к удивлению любовников, мои пальцы начали методично расстегивать пуговицы на блузке.

— Знаешь, Игорь, — сказала я задумчиво, аккуратно складывая блузку на кресле, — я всегда думала, что наша жизнь была идеальной. Все детали на своих местах, все линии четкие и ясные. Все просто и понятно.

Расстегнула молнию на юбке. Ткань упала к ногам мягкой волной.

— А теперь смотрю на тебя и понимаю — это был кукольный домик. Игрушечный. С картонными стенами и пластиковой мебелью.

Чулки сняты и брошены на подлокотник.

— Ненастоящий, — добавила, расстегивая бюстгалтер.

Игорь и Вероника молча наблюдали за мной. На их лицах читалось полное непонимание происходящего. Они ожидали криков, слез, может быть, даже рукоприкладства. Но не этого жуткого в своем спокойствии стриптиза.

— Алиса, пожалуйста, — снова попытался заговорить Игорь. — Ты же разумный человек. Давай поговорим. Я все объясню.

Взгляд, брошенный на него, был полон странной смеси жалости и отвращения.

— О чем говорить, Игорь? О том, как ты клялся в вечной любви? Или о том, как мы планировали нашу жизнь? Детей? Дом у озера?

Каждый вопрос был как удар хлыста. Игорь вздрагивал, но молчал.

— Или, может быть, ты хочешь рассказать, как долго это продолжается? — Взгляд переместился на Веронику. — Как давно ты спишь с моей коллегой в нашей постели?

Вероника съежилась, но смотрит дерзко.

— Я... мы... — начала она, но я покачиванием головы прервала ее.

— Не утруждайся. Мне уже все равно.

Игорь внезапно сменил тактику. Его лицо исказила гримаса злости.

— А знаешь что, Алиса? — он резко вскочил, опрокинув стул. Его лицо исказилось от злости. — Может, это и к лучшему! Ты же не жена, а чертова ледяная королева! Твое сердце давно превратилось в микросхему, а вместо крови в венах течет кофе! Ты не живешь, ты функционируешь, как гребанный робот! Ночами ты обнимаешь не меня, а свой ноутбук. Черт возьми, да ты даже не замечаешь, когда я прихожу домой! Ты — не женщина, ты — ходячий Excel с грудью. И знаешь что? Я устал быть женатым на гребаном калькуляторе в юбке!

Я замираю, пораженная этой внезапной атакой. Игорь, почувствовав слабость, продолжает:

— Ты думаешь только о своей работе, о своей карьере. А как же я? Как же мои потребности? Мое искусство?

Я не могу сдержать горький смешок.

— Твое искусство? Ты имеешь в виду ту картину, которую ты пишешь третий год? Или бесконечные разговоры о «великом проекте», который ты вот-вот начнешь?

Игорь краснеет, но не останавливается:

— Да, мое искусство! Я художник, я не могу работать по расписанию, как ты в своем офисе! Мне нужно вдохновение, свобода!

— Свобода? — я чувствую, как внутри закипает гнев. — Свобода жить на мои деньги, ты это имеешь в виду? Свобода трахать мою коллегу на моей постели, пока я работаю допоздна, чтобы оплачивать наши счета?

Вероника, до этого молчавшая, вдруг вмешивается:

— Алиса, ты не понимаешь. Игорь — творческая личность. Ему нужна муза, поддержка...

— Заткнись, — мой голос звучит настолько холодно, что Вероника мгновенно умолкает. — Ты права. Я не понимаю. Не понимаю, как можно быть такими мелкими, эгоистичными тварями.

Я встала. Обнаженная. В этот момент я чувствовала себя Маргаритой, приветствующей гостей на балу Сатаны. Сильной. Свободной. Неуязвимой. Поворачиваюсь к двери, но перед уходом бросаю через плечо:

— Знаешь, Игорь, ты прав. Это действительно к лучшему. Теперь ты свободен. Свободен искать вдохновение, музу и кого-нибудь другого, кто будет оплачивать твои счета. Потому что я больше не буду.

Шаги к двери были легкими, почти танцующими. Словно огромная тяжесть упала с плеч. У порога обернулась:

— Ах да. Ключи оставь на тумбочке. Прощай.

— Это и моя квартира, вообще-то!

Я сыграла бровью.

— Серьезно?

Игорь смущенно потупился. Дверь за моей спиной закрылась с мягким щелчком. Любовники о чем-то громко заспорили, кажется, что-то разбилось. Но это уже не имело значения.

Ноги сами понесли в ванную. Вода полилась, обрушиваясь горячими струями, смывая последние остатки прежней жизни. Стоя под душем, позволила воде омыwać не только тело, но и душу. Слезы, наконец, прорвались. Смешались с водой, стекая по лицу. Плакала о потерянных годах, о разбитых мечтах, о предательстве. Но в этих слезах не было отчаяния. Скорее, это было очищение. Освобождение.

Выйдя из душа, завернулась в большое пушистое полотенце. Взгляд упал на зеркало. Из запотевшего стекла смотрела внезапно постаревшая женщина. Рука потянулась к запотевшему стеклу, палец провел по нему, оставляя след. «Новая жизнь», – написали пальцы, и эти слова словно стали обещанием самой себе.

Выйдя из ванной, обнаружила, что квартира пуста. Игорь и Вероника исчезли, оставив после себя лишь смятые простыни и запах предательства. Глубокий вдох, и внутри начало расти странное, почти эйфорическое ощущение свободы.

Взгляд упал на телефон, мирно лежащий на прикроватной тумбочке. Рука потянулась к нему, на мгновение застыв в нерешительности. А затем пальцы набрали знакомый номер.

— Марина? Это я. Ты не поверишь, что сейчас произошло...

Голос подруги на другом конце провода был полон тревоги и участия. Коротко обрисовав ситуацию, почувствовала, как с каждым словом становится легче дышать.

— Я скоро приеду, — решительно заявила Марина.

— Спасибо, подруга. Но не стоит. Я в порядке.

Положив трубку, подошла к окну. Солнце уже почти село, окрашивая небо в оттенки розового и золотого. Завтра будет новый день. Новая жизнь. Новая я.

Глава 2. Алиса

Часы на стене показывали 20:17. Прошло всего два часа с того момента, как я выставила Игоря и его... пусть будет «музу», за дверь, но казалось, будто прошла целая вечность. Я сидела в полумраке гостиной, механически перелистывая каналы телевизора. Не то чтобы я что-то смотрела – просто нужно было чем-то занять руки, чтобы не начать крушить все вокруг.

Внезапно тишину квартиры разорвал звонок в дверь. Я вздрогнула, но не сдвинулась с места. Если это Игорь, пусть катится к черту. Звонок повторился, на этот раз настойчивее, а затем послышался знакомый голос:

— Алиса! Открывай немедленно, иначе я подниму на уши весь дом!

Подруга. Черт.

Вздыхнув, я поднялась и направилась к двери. Стоило повернуть ключ, как дверь распахнулась, и в квартиру ворвался ураган по имени Марина.

— Та-да! Спасательная бригада прибыла! — провозгласила она, протискиваясь в дверь с двумя огромными пакетами. — О боже, да у тебя тут темнее, чем у негра подмышкой.

— И везде-то ты успела побывать, — не без сарказма отметила я.

Марина рассмеялась и прошествовала в гостиную, цокая каблучками по паркету. Щелкнул выключатель, комнату залил яркий свет, от которого я невольно сощурилась.

— Марина, — начала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — я ценю твое...

— Нет-нет-нет, — перебила она, поднимая руку. — Даже не начинай этот «я в порядке» бред. Ты только что застучала парня с другой. Ты не можешь быть в порядке. И знаешь что? Это нормально!

Я почувствовала, как к горлу подступает ком. Нет, я не собиралась плакать. Хватит с меня слез.

— Ладно, — сказала я, скрестив руки на груди. — И что теперь?

Марина окинула меня оценивающим взглядом.

— Для начала, мы избавимся от этого траурного образа, — она кивнула на мою длинную черную футболку. — Seriously, Алиса? Черный? Ты что, на похороны своих отношений собралась?

— А что не так с черным? — я почувствовала, как губы дрогнули в слабой улыбке. — Он стройнит.

— О, дорогая, — Марина закатила глаза, — тебе не нужно выглядеть стройнее. Тебе нужно выглядеть сногшибательно! — Она начала выгружать содержимое пакетов на диван. — Мы устроим небольшое преображение. Этот козел должен кусать локти, когда увидит, кого потерял!

Я наблюдала, как Марина раскладывает какие-то яркие тряпки, косметику и... бутылку текилы?

— Э-э-э, Марин, а это зачем? — я кивнула на бутылку.

— Для храбрости, конечно! — она подмигнула. — Не волнуйся, мы не будем напиваться. Так, по чуть-чуть, чтобы расслабиться.

Я хмыкнула:

— Знаешь, а ведь я почти не плакала. Странно, да?

Марина на секунду замерла, а потом подошла и крепко обняла меня.

— Ох, милая, — прошептала она. — Ты сильная, гораздо сильнее, чем думаешь. Но помни: быть сильной не значит не чувствовать боли. Просто... не держи все в себе, хорошо?

Я кивнула, чувствуя, как глаза предательски щиплет. Нет, я не буду плакать. По крайней мере, не сейчас.

— Так, а теперь, — Марина отстранилась, хлопнув в ладоши, — мы устроим небольшую вечеринку мести!

— Вечеринку мести? — переспросила я, приподняв бровь.

— Именно! — она вытащила из пакета платье насыщенного винного цвета. — Держи, это тебе. Разбавим цветом твой монокромный гардероб. Алиска, мы сейчас тебя в такую красотку превратим, что все мужчины в радиусе километра попадают к твоим ногам штабелями. А потом... — она загадочно улыбнулась, — потом мы отправимся в клуб.

— В клуб? — я почувствовала, как внутри все сжалось. — Но... Марин, я не уверена...

— Никаких «но»! — она решительно протянула мне платье. — Сегодня мы будем праздновать твою свободу. И поверь мне, — она подмигнула, — к концу вечера ты будешь благодарить судьбу, что избавилась от этого недомужика.

И впервые за этот безумный день я почувствовала, как внутри разгорается искра. Не радости, нет. Но чего-то... нового. Возможно, надежды?

— Ладно, — вздохнула я, беря предложенное подругой платье и скептически его рассматривая, сомневаясь, что эта крохотная тряпочка в принципе способна налезть на меня. — Но если мы окажемся в полицейском участке, моему папе будешь звонить сама.

Марина расхохоталась:

— Договорились! А теперь, дорогая, приготовься к самому незабываемому вечеру в твоей жизни!

Я почувствовала, как уголки губ дрогнули в слабой улыбке. Возможно, Марина права. Возможно, эта ночь действительно станет началом чего-то нового.

Следующий час пролетел незаметно. Руки Марины порхали вокруг моей головы, слегка покалывающее тепло от стайлера приятно расслабляло. Подруга без умолку болтала, рассказывая последние сплетни и анекдоты. Ее звонкий смех, казалось, наполнял комнату светом. Незаметно для себя я начала улыбаться и даже смеяться в ответ.

— А теперь, — торжественно произнесла Марина, — финальный штрих!

Она извлекла крошечный флакончик духов. Стекло холодило пальцы, когда я взяла его в руки.

— Держи. От сердца отрываю. Это особый аромат, — подмигнула она. — Говорят, он меняется в зависимости от настроения. Хотя, по-моему, это все маркетинговые уловки. Но пахнет божественно!

Легкий цветочный аромат с нотками чего-то свежего и бодрящего наполнил воздух, щекоча ноздри. На языке, казалось, появился легкий привкус жасмина, мяты и цитрусов.

— Та-дам! — торжественно провозгласила Марина, добавляя последний штрих к моему макияжу. — А теперь, дамы и господа, встречайте новую Алису!

Она отступила, позволяя мне взглянуть в зеркало. Сердце замерло, а потом забилось чаще. Из отражения на меня смотрела незнакомка. Нет, не так. Из отражения смотрела я, но такая, какой я себе никогда не позволяла быть.

Волосы, обычно собранные в скромный пучок, теперь струились по плечам мягкими волнами, отливая теплым каштановым блеском. Макияж, который я обычно ограничивала лишь тушью и бальзамом для губ, теперь подчеркивал каждую черту, чудесным образом преображая лицо. Дымчатые тени сделали взгляд глубоким и загадочным, а губы, покрытые сочным красным, буквально притягивали взгляд.

— Хорошо, что папа меня сейчас не видит, — пробурчала я, в глубине души очень довольная результатом Маринкиных усилий.

— О, да! — протянула подруга. — Михаил Сергеевич сразу бы припечатал «Срамота!» Мы рассмеялись. Да уж, у моего отца не заржавеет.

— А теперь сюрприз, — подмигнула Марина, критически оценивая результат своих трудов. — Мы идем не просто в клуб. Мы идем в «Затмение!»

— Куда? — я недоуменно посмотрела на подругу.

Марина закатила глаза и театрально вздохнула:

— Она не знает, что такое «Затмение», а я с ней, как с ровней разговариваю. Совсем ты отстала от светской жизни. «Затмение» — это самый горячий ночной клуб в городе! Открылся месяц назад, и весь бомонд с ума сходит, пытаюсь туда попасть.

Она понизила голос до заговорщицкого шепота:

— Туда не пускают простых смертных. Только по спецприглашениям. И угадай, что у меня есть? — Марина немного покопалась с своей сумочке и торжествующе помахала глянцевою черной карточкой с серебряным тиснением.

— Где ты его взяла?

— Благодарная клиентка подарила. Ты же знаешь, у меня ручки золотые, — Марина картинно любовалась своим маникюром. — В общем, нам крупно повезло. Сегодня оторвемся по полной!

— Но я думала, мы пойдем... — начала я, но Марина решительно меня перебила:

— В ближайшую пельменную? Алиса! Даже не думай отказываться! Такой шанс выпадает раз в жизни. Говорят, там бывают все сливки общества. Актеры, бизнесмены, политики... — она мечтательно закатила глаза. — А какие там коктейли! И музыка! И атмосфера! Ты своего бестолкового Игорька забудешь в пять секунд.

Ее энтузиазм был заразителен. Я почувствовала, как внутри разгорается искорка азарта.

— Ну хорошо, — сдалась я. — Куда ты — туда и я.

— Вот это другой разговор! — просияла Марина. — Поверь, ты не пожалеешь. Эта ночь изменит твою жизнь!

Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как шелковая ткань платья скользит по коже. Моя рука автоматически потянулась к прикроватной тумбочке, где обычно лежали очки.

— Да ты что?! — возмутилась Марина, перехватывая мою руку. — Оставь ты свои очки дома. Ты в клуб идешь, детка, а не отчеты писать. Сегодня ты — роковая красотка, а не аналитик Алиса Михайловна.

Я нервно хихикнула, но послушно убрала руку. Мир без очков был немного размытым, но от этого казался еще более волшебным и загадочным.

Выходя из квартиры, на секунду задержалась в дверях. Странное чувство — вроде просто выхожу из дома, а кажется, будто делаю шаг в новую жизнь. Глубоко вздохнула, пытаюсь унять внезапно появившееся волнение. Прохладный воздух подъезда освежил разгоряченное лицо. Пахло привычной смесью запахов: немного пылью, чуть-чуть соседскими щами и почему-то мокрой собакой. Видимо, кто-то выгуливал питомца под дождем.

— Ну что, подруга, готова оторваться? — подмигнула Марина, нажимая кнопку лифта.

— Если честно, не уверена, — пробормотала я, одергивая непривычно короткое платье. — Может, это не самая удачная идея?

— Эй, только не говори, что ты собираешься сдрейфить в последний момент! — подруга шутливо погрозила мне пальцем.

Лифт натужно загудел, медленно спускаясь. Я мельком глянула на отражение в потертом зеркале и не сразу узнала себя. Непривычно. Но, пожалуй, неплохо.

Двери лифта открылись с характерным скрипом, эхом разнесшимся по парадной старого петербургского дома. Мы вышли на улицу, и я поежилась от неожиданной прохлады. Июньский вечер выдался на удивление свежим для сезона белых ночей.

— Может, стоило накинуть плащ? — пробормотала я, глядя на облака, плывущие по небу. Солнце давно должно было зайти, но его отблески все еще играли на куполах Исаакиевского собора вдалеке.

— Да брось, — отмахнулась Марина, — в клубе будет жарко. О, такси!

Она махнула рукой проезжающей машине, и цокот наших каблучков по гранитной брусчатке показался неприлично громким. Невольно я бросила взгляд на окна соседних домов. Надеюсь, завтра никто не будет косо на меня смотреть.

— «Затмение», готовься! — провозгласила Марина, плюхаясь на заднее сиденье. — Мы идем!

Я забралась следом, чувствуя смесь волнения и легкого страха. В салоне пахло кожей и чем-то сладким — видимо, освежителем воздуха.

— На Рубинштейна, пожалуйста, — сказала Марина водителю, и машина тронулась.

Глядя в окно на проплывающие мимо фасады исторических зданий, подсвеченные неестественно ярким для позднего вечера небом, я подумала: «Что ж, была не была. В конце концов, один вечер в клубе еще никому не повредил. Наверное».

Такси свернуло на Большой проспект, и я увидела, как вдалеке искрится Нева в лучах незаходящего солнца. Санкт-Петербург, казалось, и не думал засыпать в эту волшебную пору белых ночей.

Глава 3. Александр

Клуб пульсировал приглушенными басами, но для меня эти звуки были лишь фоновым шумом к грохоту мыслей в голове. Я сидел за стойкой, рассеянно вращая в руках бокал с Macallan 25. Виски за пятнадцать тысяч рублей, а на вкус – горечь и разочарование.

Пальцы невольно потянулись к телефону. Одно нажатие – и на экране высветились последние цифры от финансового директора. Каждая строка отчета была под дых сильнее любого удара. Мы на грани. Империя, которую мой отец строил десятилетиями, может рухнуть в одночасье. И единственный выход...

– Александр, какая неожиданная встреча, – раздался рядом мелодичный женский голос, вырывая меня из омута мрачных мыслей.

Я поднял глаза. Екатерина Волконская, наследница фармацевтической империи, смотрела на меня с отточенной годами светских раутов улыбкой. Ее безупречный макияж, платье от Valentino и украшения от Cartier кричали о статусе и богатстве. Когда-то я находил это привлекательным. Сейчас же хотелось отвернуться.

– Катя, – кивнул я, пытаюсь изобразить ответную улыбку. – Как твои дела? Слышал, ваша компания запускает новую линейку препаратов?

– О, Саша, – она игриво постучала пальцем по моему плечу. – Неужели ты правда хочешь говорить о работе? В такой чудесный вечер?

Ее духи, слишком резкие, вызвали головную боль. Я сделал глоток виски, пытаюсь скрыть неловкость. Екатерина была воплощением того мира, в котором я вырос. И именно сейчас этот мир грозил рухнуть.

– Знаешь, – продолжила она, – я давно хотела с тобой поговорить. Наедине. – Ее рука легко коснулась моей. – Может, найдем место потише?

Черт. Вот оно. То, чего я боялся и одновременно ждал месяцами. Я почувствовал, как напряглись мышцы. Екатерина не просто красива – она опасна. Умна, амбициозна и, что самое главное, свободна. Идеальная партия по меркам нашего круга. И именно сейчас – самый неподходящий вариант.

– Катя, я... – начал я, но она прервала меня.

– Тшш, не говори ничего. Я знаю, у тебя сейчас непростой период. Ходят слухи о проблемах в компании. – Ее глаза блеснули профессиональным интересом. – Может быть, я могла бы помочь? Ты же знаешь, наши семьи всегда хорошо ладили.

Я почувствовал, как по спине пробежал холодок. В нашем кругу любая информация – это потенциальная возможность или угроза. И я только что понял, что Екатерина знает больше, чем следовало бы.

– Все под контролем, – солгал я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. – Ты же знаешь, как любят раздувать из мухи слона.

– Конечно, – она улыбнулась, но я заметил, как на мгновение в ее глазах мелькнуло разочарование. – Но мое предложение остается в силе. И не только в деловой сфере.

Вокруг кипела жизнь элиты: сдержанный смех, тихий звон хрустальных бокалов, шепот деловых переговоров и флирта. А я чувствовал себя будто в вакууме. Каждая фальшивая улыбка напоминала о том, чего никогда не было в моей жизни. Искренности. Настоящих чувств.

Любовь. В семье Дерябиных это слово всегда произносилось с легким презрением. «Чувства – это слабость, сын. А мы не имеем права на слабость», – вьевшийся в подкорку урок от отца.

Я допил виски одним глотком. Может, пора домой? В конце концов, завтра очередное важное совещание, и...

Взгляд лениво скользил по бару, отмечая привычную картину — красивые женщины, дорогие напитки, приглушенный свет. Обычный вечер в месте, где каждый пытается произвести впечатление.

Вдруг в поле моего зрения возникли два контрастных силуэта на фоне мерцающей толпы. Блондинка и брюнетка, свет и тень, уверенность и робость.

Блондинка, облаченная в серебристое платье, напоминающее чешую экзотической рыбы, скользила по клубу с грацией опытной хищницы. Ее спутница же, одетая в платье цвета спелой вишни, казалась нежным бутонem, случайно занесенным в этот искусственный сад.

Брюнетка двигалась неуверенно, словно оказавшись на неизведанной планете. Ее глаза, широко распахнутые, как у ребенка в магазине игрушек, жадно впитывали каждую деталь окружающего великолепия. В ее движениях читалась неуверенность, но было в этой неловкости что-то завораживающее, как в танце пламени свечи на ветру.

Время словно замедлилось. В мире, где каждый пытается выделиться, привлечь внимание, она... просто была собой.

Ее движения — грациозные, но не наигранные. Глаза — живые, любопытные, осматривающие помещение с искренним интересом, а не расчетливым прищуром. Она не пыталась никого поразить, не искала взглядов. И именно это магнитом потянуло к ней. В мире, где все на продажу, она казалась глотком свежего воздуха. Настоящей.

Наблюдая, как она неуверенно двигается вслед за подружкой сквозь толпу к барной стойке, я чувствовал, как внутри что-то дрогнуло. Впервые за долгие годы.

Девушки подошли к бару, заказали напитки. Я наблюдал, как брюнетка в красном слегка морщится, делая первый глоток. Видимо, бармен не пожалел алкоголя. Их губы двигались, но слова тонули в шуме клуба.

Внезапно подружка наклонилась и что-то прошептала ей на ухо. Брюнетка кивнула, и блондинка, одарив ее ободряющей улыбкой, растворилась в толпе.

Мелодия сменилась, заиграло что-то медленное, чувственное. Словно сама судьба давала мне знак.

- Ты меня слушаешь, Саша? – голос Екатерины вернул меня в реальность.
- Прости, Катя, мне нужно идти, – пробормотал я, вставая.
- Но мы еще не закончили наш разговор, – в ее голосе прозвучала нотка раздражения.
- В другой раз, – бросил я, уже направляясь к незнакомке.

Я чувствовал на себе удивленный и, возможно, обиженный взгляд Екатерины. Плевать. Впервые за долгое время я чувствовал, что делаю что-то не потому, что должен, а потому, что хочу.

Музыка, казалось, стала громче, басы отдавались в груди, словно второе сердцебиение. Сделав глубокий вдох, я вдруг почувствовал, как воздух наполняет легкие. Запах дорогого парфюма, смешанный с нотками алкоголя и пота танцующих людей, вдруг показался особенно острым. Каждое ощущение было как открытие.

Вместо привычной уверенности в груди разливалось что-то новое. Волнение? Страх? Надежда? Невозможно точно определить это чувство, но оно... живое. Настоящее.

С каждым шагом расстояние между нами сокращалось, и я чувствовал, как во мне растет решимость. Что бы ни случилось дальше – пусть она отвергнет меня, пусть весь мир перевернется с ног на голову – я знал, что не пожалею об этом моменте.

Потому что впервые за долгое время я был честен с самим собой. Впервые я действовал не по расчету, а по зову сердца.

И вот я уже в двух шагах от нее. Она еще не заметила меня, но я уже чувствую легкий аромат ее духов. Еще мгновение, и...

Наши взгляды встретились и мир остановился.

— Потанцуем?

Уголки ее губ дрогнули в загадочной полуулыбке, глаза блеснули, как два темных омуты под лунным светом.

— Почему бы и да, — ее голос, низкий и бархатистый, пробежал по коже электрическим разрядом. — Хотя обычно я не танцую с незнакомцами.

— Это легко исправить. Александр, — представился я, притягивая ее ближе. Мои пальцы скользнули по шелку ее платья, ощущая жар тела под тканью. Аромат ее духов, легкий и загадочный, окутал меня, словно туман. Жасмин и что-то еще, неуловимое, но головокружительное. — А как вас зовут, прекрасная незнакомка?

— Просто Незнакомка, — ответила она, уклоняясь от прямого ответа. — Сегодня я хочу быть кем-то другим. Разве не в этом прелесть этой ночи?

Ее слова зацепили что-то глубоко внутри меня. Быть кем-то другим... Разве не об этом я мечтал, сидя за стойкой бара?

— И кто же ты сегодня? — спросил я, кружа ее в танце. Ее тело двигалось с кошачьей грацией, выдававшей хорошее образование. Но в каждом движении сквозило что-то дикое, необузданное, словно затаившийся хищник.

— Женщина, которой нечего терять, — ее глаза на мгновение потемнели, став почти черными. В их глубине я увидел отражение собственной души – мятежной, жаждущей свободы. — А ты? Кто ты сегодня, Александр?

Ее вопрос повис между нами, словно натянутая струна. Один неверный шаг – и она лопнет, разрушив волшебство момента.

— Мужчина, который только что нашел то, что искал всю жизнь, — ответил я, удивляясь собственной искренности. Годы, проведенные в переговорах, научили меня скрывать свои истинные мысли. Но сейчас... сейчас мне хотелось сорвать все маски.

Она рассмеялась, и этот смех пробрал до глубины души. В нем слышалась и радость, и горечь, и что-то еще, что я не мог разгадать.

— Осторожнее с такими заявлениями, — мурлыкнула она, прижимаясь ближе. — Я могу поверить. А вера – опасная вещь.

— А если я хочу, чтобы ты поверила? — мой голос охрип, в горле пересохло. Я чувствовал, как между нами разгорается пламя, готовое в любой момент вспыхнуть неконтролируемым пожаром.

Мы танцевали, сплетаясь в единое целое, растворяясь в музыке и друг в друге. Она отвечала на мои вопросы, ловко избегая любых личных деталей, словно фехтовальщик, отражающий удары. А я ловил себя на том, что хочу рассказать ей все — о давлении семьи, о тяжести короны, которую мне предстоит унаследовать. О том, как иногда хочется бросить все и сбежать.

— Уйдем отсюда? — прошептал я, не в силах больше сдерживаться. Каждая клеточка моего тела кричала о желании остаться с ней наедине.

Она на мгновение замерла, и я увидел, как в ее глазах промелькнула целая гамма эмоций – сомнение, страх, желание и, наконец, решимость.

— Да, — выдохнула она, и в этом коротком слове было больше страсти, чем во всех романах мира.

Мы двинулись к черному ходу, и я чувствовал на себе взгляды других посетителей. Кто-то смотрел с завистью, кто-то – с любопытством. Но мне было все равно. Сейчас существовали только мы двое – я и эта загадочная женщина, перевернувшая мой мир за один вечер.

Выйдя на улицу, я вызвал такси. Назвал адрес отеля, в котором обычно останавливался, когда хотел сбежать от реальности. Она не спросила, куда мы едем. Просто села рядом, близко, но не касаясь меня. Что-то написала в телефоне. Интересно, кому пишет?

В полумраке салона я видел ее профиль – изящную линию шеи, чуть приоткрытые губы. Она повернулась ко мне, и в ее глазах увидел отражение собственного желания.

Я не знал, было ли это предупреждением или обещанием. Но я был готов рискнуть всем ради этой ночи и этой женщины.

Двери лифта разъехались с тихим шелестом, открывая вид на роскошный коридор отеля. Приглушенный свет мягко ласкал бархатные стены, создавая атмосферу интимности и тайны. Воздух был напоен ароматом свежих цветов и едва уловимым запахом дорогого парфюма.

Я вел ее за руку, чувствуя, как пульсирует кровь в висках. Каждый шаг по мягкому ковру отдавался в теле электрическим разрядом предвкушения. Ее пальцы, переплетенные с моими, были прохладными, но я чувствовал, как под этой прохладой скрывается огонь, готовый вспыхнуть в любой момент.

Номер встретил нас приглушенным светом и прохладой кондиционированного воздуха. Я заметил, как по ее коже пробежали мурашки, и неудержимое желание согреть каждый миллиметр этого восхитительного тела захлестнуло меня с головой.

Мы замерли на мгновение, глядя друг другу в глаза. В ее взгляде плескалось море эмоций — желание, страх, предвкушение, толика сомнения. Я чувствовал, как мое сердце готово выпрыгнуть из груди.

— Ты уверена? — хрипло спросил я, давая ей последний шанс отступить.

Вместо ответа она притянула меня к себе, впиваясь в губы поцелуем, от которого перехватило дыхание. Это было как прыжок с обрыва — захватывающе, страшно и абсолютно неотвратимо.

Одежда полетела на пол, как ненужная шелуха, обнажая гладкость кожи, изящные изгибы тел. Мои пальцы скользили по ее телу, запоминая каждый изгиб, каждую ямочку. Она пахла летним дождем и спелыми персиками, и я не мог насытиться этим ароматом.

Я целовал ее так, словно она была оазисом в бескрайней пустыне моей жизни. Каждое прикосновение губ к коже было как глоток живительной влаги. Она отвечала с не меньшим пылом, ее ногти впивались в мои плечи, оставляя следы-полумесяцы, метя территорию.

— Ты невероятная, — выдохнул я, глядя в ее затуманенные страстью глаза. В полумраке комнаты они казались бездонными омутами, в которых я готов был утонуть без сожаления.

— Молчи, — простонала она, но за просьбой я уловил страсть, от которой сердце пропустило удар.

Мы сплелись в единое целое, двигаясь в древнем как мир танце страсти. Каждый стон, каждый вздох отпечатывался в памяти, словно клеймо на коже. Время потеряло смысл, остались только ощущения — жар ее кожи, шелк волос, скользящих по моей груди, сладкая тяжесть ее тела.

Пик наслаждения накрыл нас одновременно, как идеально выверенная симфония достигает своей кульминации. На мгновение мир исчез, растворился в ослепительной вспышке экстаза.

Потом мы лежали, переплетаясь конечностями, чувствуя, как бешено колотятся наши сердца. Ее голова покоилась на моей груди, и я перебирал пряди ее волос, пахнущих летом и свободой.

— Кто ты? — прошептал я, не ожидая ответа.

Она подняла голову, и в ее глазах я увидел отражение собственной души.

— Просто женщина, которая сегодня решила быть собой, — ответила она, и в ее голосе я услышал отголоски собственной тоски по чему-то настоящему.

Сон сморил нас незаметно.

Глава 4. Алиса

Я парю над городом. Легко. Свободно. Невесомо. Шпили соборов тянутся ввысь, но не достают до меня. Нева раскинулась внизу зеркальным полотном, отражая небо. Ветер ласкает кожу, играет волосами, что-то шепчет на ухо. Заботы и тревоги остались где-то далеко внизу, среди суеты улиц. Здесь, наверху, только я и бескрайнее небо. Сердце поет. Душа распахнулась навстречу свободе. Я раскинула руки, позволяя воздушным потокам нести меня. Выше. Дальше. К самым облакам.

Но внезапно идиллия дрогнула. Воздух загустел. Земля ринулась навстречу с пугающей скоростью. Ближе. Быстрее. Паника сжала душу когтями. Хочу закричать. Не могу. Горло перехватывает. Земля все ближе. Я чувствую удар, делаю отчаянный рывок — и распахиваю глаза, судорожно хватая ртом воздух.

Сердце колотится как безумное. Несколько долгих секунд уходит на то, чтобы осознать — это был всего лишь сон, игра подсознания. Но реальность, в которой я проснулась, оказалась не менее ошеломляющей, чем странный полет над Петербургом.

Незнакомая комната медленно обрела четкость, выплывая из утреннего полумрака. Мягкий свет просочился сквозь неплотно задернутые шторы, очерчивая контуры дорогой мебели и изысканного декора. Непривычно гладкие простыни ласкают кожу, а воздух наполнен ароматом сандала, смешанным с нотками чужого парфюма — терпкого, мужского. И тут я слышу его — тихое, размеренное дыхание рядом.

Медленно, словно боясь спугнуть момент, поворачиваю голову. Утренний свет мягко очерчивает силуэт спящего рядом мужчины. Александр... Его имя отзывается в груди теплой волной, возвращая воспоминания о прошедшей ночи.

Невольно залюбовавшись, скольжу взглядом по его лицу. Длинные ресницы отбрасывают тени на щеки, где проступает легкая щетина. Губы, которые еще несколько часов назад покрывали поцелуями мое тело, сейчас чуть приоткрыты, придавая его лицу почти мальчишеское выражение. Контраст между этой невинностью и воспоминаниями о его страсти заставляет меня покраснеть.

Темно-русые волосы мужчины разметались в художественном беспорядке. Я с трудом подавляю желание пропустить их сквозь пальцы. Одна его рука небрежно закинута за голову, обнажая рельефные мышцы. Другая покоится на груди, мерно поднимающейся в такт дыханию.

Мой взгляд невольно задерживается на его плечах и торсе, лишь частично скрытых простыней. Крепкое, атлетическое телосложение наводит на мысли о регулярных тренировках. Может, он профессиональный спортсмен? Или военный? В любом случае, такое тело явно результат упорной работы, а не случайности.

Что-то блеснуло на его запястье, привлекая внимание. Часы. В неярком утреннем свете разобрать марку не могу, но даже беглого взгляда достаточно, чтобы понять — это не просто аксессуар, а настоящее произведение искусства. Тонкая работа, благородный металл, мягкий блеск кожаного ремешка. Такие вещи не купишь в обычном магазине.

Я осмотрелась вокруг. Номер люкс в дорогом отеле. Изысканный интерьер. Эти часы... Кто же ты, Александр? И каким ветром меня, обычную офисную работницу, занесло в твою постель?

Чувство нереальности происходящего усилилось. словно я попала в красивый сон или романтический фильм. Но пульсирующая боль в висках и легкое головокружение напомнили — все это по-настоящему. И теперь мне предстоит как-то жить с последствиями этой волшебной, но такой опрометчивой ночи.

Осознание обрушилось, как лавина, погребая под холодом паники остатки ночной эйфории.

Что я наделала?

Сердце болезненно сжалось, к горлу подкатила тошнота. Я, Алиса Воронцова, всегда такая правильная и рассудительная, прыгнула в постель к первому встречному. К человеку, чьего полного имени даже не знаю.

Голос отца, въевшийся в подкорку сознания за годы строгого воспитания, зазвучал набатом: «Алиса, как ты могла? Неужели ты решила пойти по стопам своей матери-вертихвостки?». Его разочарованный взгляд, который я так часто видела в детстве, встал перед глазами. Щеки вспыхнули от стыда, словно от пощечины.

Воспоминания о матери, которую я почти не помню, но о которой столько слышала от отца, вихрем проносятся в голове. Ее побег, когда мне было всего три года. Слезы отца, его горькие слова о предательстве. И его решение воспитать меня так, чтобы я никогда не повторила ошибок матери. Годы строгости, запретов, постоянного контроля. «Это для твоего же блага, Алиса. Чтобы ты выросла достойной женщиной».

Чувство вины накатывает волной, мощной и беспощадной. Оно смывает последние остатки ночной эйфории, оставляя после себя горький привкус сожаления. Где та смелая, раскрепощенная женщина, которой я была несколько часов назад? Сейчас я чувствую себя маленькой девочкой, совершившей ужасную ошибку и ожидающей наказания.

Страх и стыд переплетаются, образуя тугой узел в груди. Я зажмуриваюсь, пытаюсь глухо дышать, но воздух застревает где-то на полпути к легким.

А что, если...? Нет, об этом даже думать не хочу. Но предательская мысль уже проникла в сознание, заставляя замереть от ужаса. Мы же предохранялись, верно? В памяти — лишь обрывки, размытые алкоголем и страстью. Вспышки сексуального напряжения, рвущиеся с треском пуговицы, шорох падающей на пол одежды. Но было ли среди этого хаоса место благодарности?

Эйфория свободы и раскрепощенности, еще недавно бурлившая в венах, превратилась в тяжелый груз ответственности и возможных последствий. Как за одни сутки может так кардинально измениться жизнь? Еще вчера я была обычной офисной работницей, чья жизнь текла по накатанной колее — работа, дом, редкие встречи с подругой. А потом измена Игоря. Лед в душе. Спонтанный поход в клуб...

Кто я сегодня?

Осторожно сажусь на кровати, стараясь не потревожить спящего мужчину. Комната немного плывет — смесь похмелья и нахлынувшего стыда. Оглядываюсь вокруг, впервые по-настоящему замечая, где нахожусь. Антикварная мебель, картины в позолоченных рамах на стенах. Этот мир роскоши и беззаботности — и мой привычный мирок офисного планктона, словно две разные планеты. Нет, даже как две галактики в разных вселенных.

Встаю, чувствуя прохладу. Паркетный пол холодит босые ноги, заставляя поежиться. Одеваюсь быстро, почти лихорадочно, словно пытаюсь стереть следы прошедшей ночи. Красное платье, которое вчера казалось верхом элегантности, теперь выглядит вульгарным, чужим. Оно слишком облегает, слишком открыто. Я чувствую себя голой под тонкой тканью.

Бросаю последний взгляд на спящего Александра. В утреннем свете он кажется еще красивее. Сильная шея, широкие плечи, намек на кубики пресса под простыней. Он явно не из моей лиги. Такие, как он, не связываются всерьез с девушками вроде меня. Лучше уйти сейчас, пока он спит. Чтобы не было неловких прощаний и обмена телефонами, которые никогда не понадобятся.

Да и как я посмотрю ему в глаза? Что скажу? «Извините, принц, но Золушке пора бежать. Карета вот-вот превратится в тыкву, а дедлайн по отчетам никто не отменял».

Нет уж, лучше исчезнуть без следа. Раствориться в утреннем тумане, словно этой ночи никогда не было. В конце концов, я профи в незаметном существовании.

Тихо, стараясь не шуметь, собираю разбросанные по номеру вещи. Туфля, закатившаяся под кресло. Сумочка, небрежно брошенная на столик. Серьга, которую нахожу возле кровати — должно быть, слетела в пылу страсти.

Каждый предмет — как улика моего падения. Моей слабости. Хочется просто оставить все здесь, сбежать в чем есть. Но здравый смысл берет верх — нельзя оставлять следов.

Выскальзываю из номера, тихо прикрыв за собой дверь. Сердце колотится так, что кажется, что вот-вот Александр услышит, проснется и окликнет меня. Но за дверью тишина.

Коридор пуст, только откуда-то доносятся голоса — похоже, прибыла группа туристов. Паника накатывает новой волной. Что, если кто-то из знакомых остановился в этом отеле? Если отец узнает о моем грехопадении... Ох, страшно подумать. Конечно, я уже не та девочка, которая цепенела от страха под взглядом папы. Но у него больное сердце... И теперь другой ужас сковывает меня всякий раз, когда он расстраивается.

Замечаю дверь с табличкой «Только для персонала» и, поколебавшись секунду, проскальзываю внутрь. Узкий коридор ведет к лестнице. Спускаюсь вниз, стараясь не думать о том, как нелепо выгляжу в вечернем платье. Через служебный выход выбираюсь на улицу, оказавшись в маленьком переулке за отелем.

Утренний Петербург встретил прохладой и запахом свежей выпечки. Легкий туман стелется над брусчаткой, придавая городу загадочный, почти мистический вид. Вливаюсь в поток спешащих людей, чувствуя одновременно облегчение от того, что удалось уйти незамеченной, и странную пустоту внутри.

На автомате достаю телефон из сумки. Ох, ё... Десятки пропущенных от Марины. Вздыхаю и набираю номер подруги.

— Алиса! — голос взволнованной Марины ввинчивается в ухо. — Ты с ума сошла? Я чуть в полицию не позвонила!

— Прости, я... — запинаясь, не зная, что сказать. — Телефон на беззвучном режиме был.

— Да неужели? — в голосе Марины сквозит явный сарказм. — И где ты пропадала всю ночь? Кто бы мог подумать, что наша хорошая девочка, не успев выставить одного ловеласа, подцепит мужика буквально через пятнадцать минут после того, как войдет в клуб. Я чего-то о тебе не знаю?

— Это... сложно объяснить, — чувствую, как к глазам подступают слезы. — И, честно говоря, мне стыдно.

Пауза. Слышно, как Марина глубоко вздыхает.

— Ладно, — наконец говорит она уже мягче. — Потом расскажешь. Ты где сейчас?

— На Дворцовой набережной.

— Жди там, сейчас приеду. И, Алиса... — в голосе подруги слышится неподдельная забота. — Не кори себя сильно, ладно? Все мы иногда делаем глупости. Ты ничего непоправимого не натворила?

— Нет... — голос дрожит.

Конечно, ничего такого. Всего-то переспала с первым встречным. Боже, как пошло это звучит...

— Эй, тише, — успокаивающе произносит Марина. — Ты взрослая женщина. Имеешь право на приключения. Главное, что ты в порядке. Остальное обсудим при встрече, хорошо?

— Хорошо, — шепчу я, чувствуя, как к горлу подкатывает ком. — Спасибо тебе.

Нажимаю отбой и смотрю на просыпающийся город. Нева блестит в лучах восходящего солнца, отражая небо и здания на своей глади. Туман постепенно рассеивается, открывая величественный вид на Петропавловскую крепость.

Прохожу мимо уличного кафе, откуда доносится аромат свежесваренного кофе. Желудок предательски урчит, напоминая, что со вчерашнего вечера я ничего не ела. Но мысль о еде вызывает тошноту — смесь похмелья и нервного напряжения.

Присаживаюсь на скамейку у набережной, пытаюсь собраться с мыслями. Утренний ветерок приятно холодит разгоряченное лицо. Закрываю глаза, и перед внутренним взором снова встает образ Александра.

Его уверенная улыбка, когда он подошел ко мне в клубе. Легкость, с которой завязался разговор — будто мы были знакомы тысячу лет. Его внимательный взгляд, от которого по телу разливалось приятное тепло. И этот момент... когда наши глаза встретились, и мир вокруг словно перестал существовать.

Я не хотела этого. Мне нужно было просто отвлечься, забыться.

А появился он. И что-то изменилось. Словно невидимая сила толкнула меня навстречу приключению, о котором я и мечтать не смела. Впервые за долгое время я почувствовала себя желанной, привлекательной. Не просто офисной мышкой и примерной домохозяйкой, а настоящей женщиной.

Вспоминаю, как мы покидали клуб. Его рука на моей талии, обжигающая даже сквозь ткань платья. Поездка в такси, где каждое прикосновение, каждый взгляд был наполнен электричеством предвкушения. И потом, в номере...

Щеки вспыхивают от воспоминаний. Никогда прежде я не чувствовала такой страсти, такого желания. Словно вся моя прежняя жизнь была черно-белой, а теперь внезапно обрела краски.

Но вместе с воспоминаниями о страсти приходит и осознание последствий. Что, если кто-то узнает? Что скажут коллеги, если правда всплывет? А отец... от одной мысли о его реакции к горлу подступает ком.

Всю жизнь я старалась быть идеальной дочерью. Хорошие оценки в школе, престижный университет, стабильная работа в крупной компании. Никаких скандалов, никаких ошибок. И вот теперь...

Звонок телефона вырывает меня из размышлений. На экране высвечивается имя отца. Сердце пропускает удар. Неужели он каким-то образом узнал? Нет, это невозможно. Просто совпадение.

Пытаюсь прочистить горло, прежде чем ответить. Голос все равно звучит хрипло:

— Алло?

— Алиса, ты еще спишь? — в голосе отца слышится легкое недовольство. — А как же пробежка?

— Нет, папа, я... — начинаю оправдываться, но он перебивает.

— Надеюсь, ты не забыла о сегодняшнем обеде?

Черт. Семейный обед. Конечно же, я забыла.

— Разумеется, помню, — лгу я, пытаюсь звучать бодро. — В два часа, как обычно?

— Верно, — в его тоне сквозит подозрение. — Ты какая-то... странная. Все в порядке?

— Да, просто... не выспалась немного, — отвечаю, надеясь, что это объяснит мой голос. — Сегодня же суббота, выходной. Думала отосплюсь.

Пауза. Я почти вижу, как он хмурится на другом конце линии.

— Алиса, ты же знаешь, как важен режим. Особенно учитывая твою должность в компании.

Я сдерживаю вздох. Даже в шесть утра он не упустит возможности прочитать мне лекцию.

— Да, папа, ты прав. Просто вчера засиделась над бумагами. У нас же квартальный отчет. Это, кажется, его успокаивает.

— Хорошо. Кстати, у меня есть важные новости. Обсудим за обедом. И, Алиса...

— Да?

— Постарайся не опаздывать.

— Конечно, папа. До встречи.

Нажимаю отбой и чувствую, как накатывает волна паники. Как я смогу сидеть напротив отца, поддерживать светскую беседу, когда внутри все сгорает от стыда и страха? Как скрыть следы этой безумной ночи от его пронзительного взгляда?

Мысли прерывает сигнал подъехавшей машины. Марина. Я с облегчением вижу ее лицо за рулем.

Забираюсь на переднее сидение, и подруга тут же протягивает бутылку воды и пакетик с таблетками.

— Ты выглядишь... неоднозначно, — говорит она, но в ее голосе слышится не осуждение, а искреннее беспокойство. — Давай, выпей это. Поможет от похмелья.

Благодарно киваю, глотая таблетки. Прохладная вода приятно освежает пересохшее горло.

— Ну, — Марина вырывает на дорогу, — рассказывай. Что произошло после того, как я отлучилась буквально на минутку?

И я рассказываю. Сбивчиво, путано, то и дело замолкая от стыда. Но Марина слушает внимательно, не перебивая. Ее лицо отражает целую гамму эмоций: удивление, беспокойство, а иногда даже легкую улыбку.

— ...и теперь я не знаю, что делать, — заканчиваю я рассказ, чувствуя, как по щекам катятся слезы. — Я все испортила, да?

Марина паркует машину у дома и поворачивается ко мне. В ее глазах я вижу не осуждение, которого так боялась, а теплоту и понимание.

— Алиса, послушай, — она взяла меня за руки, заставляя посмотреть ей в глаза. — Ты ничего не испортила. Ты взрослая женщина, имеющая право на личную жизнь и удовольствия.

— Но...

— Никаких «но», — твердо говорит Марина. — Да, возможно, это было немного безрассудно. Но ты не совершила преступления. Ты просто... жила. Впервые за долгое время.

Ее слова словно прорывают плотину. Я разражаюсь рыданиями, уткнувшись лицом в ладони. Марина обнимает меня, позволяя выплакаться.

— Все будет хорошо, — шепчет она, глядя меня по спине. — Знаешь, я даже немного завидую тебе.

Я поднимаю на нее удивленный взгляд.

— Да-да, не смотри так, — Марина улыбается. — Ты сделала то, о чем многие только мечтают. Вырвалась из рутины, позволила себе быть спонтанной, страстной. Это здорово, Алиса. Правда.

— Но что если...

— Что если кто-то узнает? — Марина заканчивает за меня. — Ну и пусть. Ты никому ничего не должна. Ни коллегам, ни даже отцу.

При упоминании отца я вздрагиваю.

— Кстати об отце, — говорю я, вспомнив утренний звонок. — Он ждет меня сегодня на обед. Говорит, у него какие-то важные новости.

— Ого, — Марина присвистывает. — Любопытно. Но давай решать проблемы по мере их поступления. Сначала приведем тебя в порядок, а потом будем думать, как пережить встречу с Михаилом Сергеевичем.

Я благодарно киваю, чувствуя, как напряжение немного отпускает. Марина всегда умела найти нужные слова.

— Вот и отлично. Примешь душ, переоденешься. И я сделаю тебе макияж, который скроет все следы бурной ночи.

— Марина, я не знаю, как тебя благодарить...

— Ох, прекрати, — она шутливо толкает меня в плечо. — Для этого и нужны подруги. Кстати, — добавляет она с хитрой улыбкой, — когда все это закончится, ты мне должна будешь подробно рассказать об этом твоём Александре. С деталями!

Я не могу сдержать смешок. Даже в такой ситуации Марина умудряется поднять мне настроение.

— Договорились, — отвечаю я, чувствуя, как губы сами собой растягиваются в улыбке.

— А теперь пошли. У нас много работы.

Выходя из машины, я бросаю последний взгляд на Неву. Утреннее солнце играет бликами на воде, словно напоминая о той свободе и легкости, которые я почувствовала этой ночью. На мгновение меня охватывает желание все бросить, вернуться в тот номер, в объятия Александра...

Но я отгоняю эту мысль. Пора возвращаться в реальность. А она зла.

Глава 5. Александр

Очнулся от ощущения потери. Сознание выныривало из глубин сна медленно, словно преодолевая толщу воды. Первым вернулось осязание: прохлада простыней на коже, лёгкое покалывание в висках — неизбежная дань вчерашнему виски. Затем — обоняние: тонкий аромат жасмина, смешанный с нотками мускуса и чего-то неуловимо женского.

Её запах.

Рука метнулась в сторону — туда, где должно было быть тёплое тело. Пальцы сжали пустоту.

Глаза распахнулись рывком.

Солнечные лучи безжалостно ударили по глазам. Голова гудела, во рту пересохло, но какое это имело значение? Я рывком сел, отшвырнув одеяло. Смятые простыни, разбросанная одежда, опрокинутый бокал на прикроватной тумбочке — немые свидетели прошедшей ночи.

И пустота. Оглушительная, давящая пустота.

Ушла. Просто... ушла?

Я провёл ладонью по лицу, не веря. Обычно девочки, оказавшись в моей постели, цепляются за неё до последнего. Выдумывают поводы задержаться, тянут время, ждут приглашения на завтрак. А эта...

Чёрт. Чёрт!

Я вскочил, прошёлся по комнате. Заглянул в ванную — пусто. Никакой записки, никакого номера телефона, нацарапанного помадой на зеркале. Ничего.

Воспоминания нахлынули волной, и я замер посреди комнаты, сжав кулаки. Её смех — звонкий, дразнящий, от которого что-то переворачивалось внутри. Изгиб шеи, когда она откидывала голову назад. Её пальцы — то скользящие по моей коже невесомо, то впивающиеся в плечи с неожиданной силой.

И глаза. Господи, эти глаза! Тёмные, бездонные — в них хотелось падать и падать.

Грудь сдавило. Я с силой выдохнул, пытаюсь справиться с этим идиотским, абсолютно неуместным чувством. Как можно тосковать по человеку, которого едва знаешь? Что за бред?

Александр Дерябин не тоскует. Александр Дерябин не бежит за женщинами.

Но пальцы уже сами тянулись к телефону.

— Виктор, — голос прозвучал хрипло, почти зло. — Мне нужна информация о женщине, которая была в моём номере этой ночью. Найди её.

— Понял вас, господин Дерябин.

Никаких вопросов. За это я и ценил Виктора.

Час ожидания растянулся в вечность. Я пытался работать — бесполезно. Буквы расплывались перед глазами, а мысли упрямо возвращались к ней. К тому, как она смеялась. Как двигалась. Как произнесла моё имя — словно попробовала на вкус.

Когда телефон наконец зазвонил, я схватил его на первом же гудке.

— Господин Дерябин, — голос Виктора звучал странно, — у нас возникли... непредвиденные обстоятельства.

Внутри всё оборвалось.

— Объясни.

— Мы столкнулись с рядом совпадений, которые вызывают определённые подозрения.

Я стиснул телефон так, что побелели костяшки.

— Во-первых, вчера вечером в отеле проходила крупная IT-конференция. Система видеонаблюдения испытывала значительную нагрузку. Зафиксированы кратковременные сбои, падение качества записи...

— И это помешало вам отследить одну женщину? — я не узнавал собственный голос — такой он был резкий, почти срывающийся.

— Не только это. В 5:30 утра произошёл серьёзный сбой системы безопасности. Восстановили за двадцать минут, но...

— За это время она ушла.

— Вероятно. Но это не всё. В 5:45 прибыла большая группа туристов. В 6:05 сработала пожарная тревога.

Я медленно опустился на край кровати. В голове не укладывалось.

— Виктор. Ты хочешь сказать, что всё это...

— Количество совпадений превышает статистическую вероятность, — в его голосе звучало то, чего я почти никогда не слышал: растерянность. — Мы не исключаем, что это могло быть спланировано.

Спланировано.

Слово упало, как камень в воду, и от него разошлись круги — холодные, обжигающие.

Она. Эта женщина с её смехом, с её глазами, с её руками на моей коже — она могла всё это подстроить?

Нет.

Да?

Я вцепился в волосы, не замечая боли.

— Спланировано ради чего? Что ей было нужно?

— На данном этапе это лишь предположение. Но мы проверяем все возможности.

— Что у вас есть конкретно?

— Горничная видела темноволосую женщину в красном платье у служебного выхода около шести. Проверяем уличные камеры, но из-за тумана и проезжавшего мусоровоза обзор ограничен.

— Мусоровоз, — я рассмеялся — коротко, зло. — В шесть утра. Как удобно.

Виктор помолчал.

— Господин Дерябин, я инициировал проверку на предмет утечки информации и несанкционированного доступа к нашим системам.

Слова дошли до сознания не сразу. А когда дошли — накрыло ледяной волной.

— Вы думаете, это связано с...

— Учитывая вашу позицию и текущие переговоры, мы обязаны рассмотреть и такую возможность.

Я закрыл глаза. Перед внутренним взором снова всплыло её лицо — открытое, смеющееся. Неужели всё было игрой? Каждый взгляд, каждое прикосновение, каждый стон — просчитано, отрепетировано?

А если нет?

Что, если я сейчас параноик, который превращает случайную связь в теорию заговора только потому, что уязвлённое самолюбие не может принять простой факт: она ушла, потому что захотела уйти?

— Действуй, — выдавил я. — Держи в курсе.

— Конечно, господин Дерябин.

Я отшвырнул телефон на кровать и подошёл к окну. Город внизу жил своей жизнью — равнодушный, вечный. Люди спешили по делам, машины ползли в пробках, где-то смеялись, где-то плакали, и никому не было дела до того, что творится в моей душе.

Кто ты? Зачем пришла? Зачем ушла?

Я прижался лбом к холодному стеклу.

И почему, чёрт возьми, я не могу перестать о тебе думать?

Телефон взорвался трелью. Я дёрнулся, схватил его — Виктор? Нашёл?

Нет. Мать.

Странно. Она никогда не звонила раньше полудня. Принципиально.

— Мам?

— Саша... — её голос был таким, каким я не слышал его никогда. Тонкий. Надломленный. Чужой. — Саша, ты должен приехать.

Сердце пропустило удар.

— Что случилось?

— Отец... — она всхлипнула, и этот звук ударил сильнее любых слов. Моя мать не плакала. Никогда. Даже когда хоронила собственную мать — стояла прямая, застывшая, с сухими глазами. — Отец в больнице. Инсульт. Врачи говорят...

Она не договорила. Не смогла.

Мир качнулся и поплыл.

— Еду.

Я бросил телефон, схватил первые попавшиеся вещи. Руки не слушались — пуговицы выскальзывали из пальцев, ремень никак не хотел застёгиваться. В голове билась только одна мысль, тупая и страшная: отец. Отец в больнице. Отец может умереть.

Несокрушимый Дерябин-старший, который никогда не болел, не жаловался, не показывал слабости. Который и в семьдесят пять приходил в офис раньше всех. Который казался вечным — как гранитная скала.

Отец в больнице.

Вчера ещё я спорил с ним по телефону из-за какого-то идиотского контракта. Бросил трубку, не попрощавшись. Думал — завтра перезвоню. Всегда есть завтра, верно?

Я замер посреди комнаты, не в силах сделать следующий шаг.

Несколько часов назад я сходил с ума из-за женщины, которую знал одну ночь. А в это время отец...

Тошнота подкатила к горлу. Стены номера внезапно сдвинулись, стали давить. Воздуха не хватало.

Выбраться. Срочно.

Уже в лифте, глядя на сменяющиеся цифры этажей, я поймал себя на странной, почти кошмарной мысли: несколько минут назад он не думал об отце вообще. Несколько минут назад весь его мир сжался до одной женщины — её запаха на подушке, её смеха в памяти, её отсутствия.

А отец в это время умирал.

Двери лифта разъехались. Я шагнул в холл, чувствуя себя так, словно за последний час постарел на десять лет.

День ещё даже не начался.

Глава 6. Алиса

Тусклый свет пробился сквозь жалюзи, едва освещая кухню. На столе сиротливо стояла чашка с недопитым чаем и лежало надкусанное яблоко — немые свидетели вчерашней бессонной ночи.

Я сидела на подоконнике, балансируя между явью и дремотой, когда тишину разрезал странный щелчок. Кофемашина — последний оплот моего здравомыслия — издала жалобный булькающий звук и замолкла.

— И ты, Брут? — процедила я сквозь зубы, чувствуя, как внутри поднимается волна раздражения. Потыкала кнопки — без толку. Похоже, агрегат умер.

Подавив зевок, полезла в шкафчик за старой туркой. Медный бок сосуда поймал луч солнца, и на мгновение в голове всплыли воспоминания о папиных неторопливых кофейных ритуалах. Засыпая кофе, я почти слышала его голос, напевающий Высоцкого: «Если я чего решил — выпью обязательно...»

Слабая улыбка тронула мои губы, но тут же исчезла. Пока вода медленно закипала, мысли, словно осенние листья, закружились вокруг событий прошедшего месяца.

Измена Игоря. Ночь в клубе с Маринкой. И... Александр.

Щеки вспыхнули от одного воспоминания о той ночи — яркой и безумной, как вспышка фейерверка в беззвездном небе серых будней. Жаль, сказка так и осталась в номере того отеля. А жить приходится в реальности, далекой от романтики.

Игорь всю душу вымотал. Не знаю, на что он надеется, но доходит уже до абсурда. Словно заевшая пластинка, повторяет одно и то же: развод не дам. И затягивает как может: то ему нужно подумать, будто трех лет брака было мало, то внезапная командировка случилась, то его адвокат нашел несуществующие ошибки в документах.

«Как же ты мне дорог, Игорек», — зло подумала я, наблюдая, как в турке поднимается пена. Усталость и раздражение смешивались внутри, как кофе и вода, грозя вот-вот выплеснуться через край.

Допив кофе, отправилась в ванную. Контрастный душ немного взбодрил, но тревога не отпускала. Мало того, что на личном фронте все непросто, так еще и в офисе в последнее время атмосфера напряженная — ходят слухи о грядущих сокращениях. Только этого мне и не хватает.

Распахнула дверцы платяного шкафа в спальне. Среди аккуратно развешенных нарядов рука машинально потянулась к серому костюму. Надежный, как броня. Краем глаза заметила висящее в глубине красное платье. А что, если... Тьфу, о чем ты думаешь, Алиса! Проблем мало?

Макияж наношу на автопилоте — тон, тушь, блеск для губ. В зеркале трюмо отразилось бледное лицо с легкими тенями под глазами. В памяти некстати всплыл образ из того же зеркала месяц назад — волосы, разметавшиеся по плечам, горящие глаза, припухшие губы. Прямо Кларк Кент наоборот — днем скромница, а ночью супервумен страсти и порока... Так, стоп. Сегодня важный день, нечего витать в облаках.

Волосы в пучок, очки на нос. Вроде готова. Последний взгляд в зеркало прихожей. Интересно, узнал бы меня сейчас Александр? Вряд ли. Да и какая разница? Ты же не собираешься его искать. Или собираешься?

Так, ключи, телефон, проездной — все на месте.

Звонкий щелчок замка. Потертые ступени лестницы привычно отозвались дробью под каблуками. Санкт-Петербург за дверью подъезда уже проснулся — шум машин с проспекта, запах свежей выпечки из соседней пекарни. Черт, надо было хоть бутерброд сделать. Ладно,

куплю что-нибудь по дороге. И не забыть позвонить адвокату насчет документов для развода. И не забыть вечером заскочить в магазин, а то в холодильнике мышь повесилась. И...

Мысли путались, перескакивая с одного на другое. Глубокий вдох. Выдох. Влажный утренний воздух наполнил легкие.

Конец августа выдался на удивление свежим, словно осень решила заявить о своих правах пораньше. Поежившись, подняла воротник плаща и поспешила к метро, когда телефон разразился звонком. Взглянув на экран, почувствовала, как сердце пропустило удар. Адвокат. Легко на помине.

— Алиса Михайловна, доброе утро, — голос Сергея Петровича звучит устало, будто он не спал всю ночь. — У меня новости по вашему делу.

— Доброе, Сергей Павлович, — усмехнулась, и, не удержавшись от горькой иронии, уточнила, — Ну и хватит о добром?

— Боюсь, что так, — адвокат тяжело вздохнул, словно атлант, держащий небо. — Ваш супруг опять затягивает процесс. Теперь он утверждает, что часть квартиры была приобретена на деньги его родителей, и требует дополнительной оценки.

Ноги словно вросли в асфальт, я застыла посреди тротуара, не обращая внимания на недовольные взгляды прохожих.

— Его родители? — голос дрогнул от возмущения. — Как бы не так! Они же копейки не дали. Это мой отец подарил нам деньги, которых как раз хватило на первый взнос.

— Я понимаю, — вздохнул адвокат, в его голосе слышалась усталость многолетней борьбы с человеческой подлостью. — Но нам придется это доказывать. Потребуются дополнительные документы, выписки со счетов. Это займет время.

Внутри вскипела злость.

— Сколько еще это будет продолжаться? — простонала я.

— Увы, ваш супруг имеет право оспаривать условия развода. Мы сделаем все возможное, но процесс может затянуться еще на несколько месяцев.

Попрощавшись с адвокатом, до боли сжала телефон, сдерживая желание швырнуть его об асфальт. Вдох. Выдох. Словно мантру, пробормотала: «Чтоб ты... был здоров, Игорь». Потому что только душевной болезнью можно объяснить такое поведение. Или я просто слишком долго не замечала, каким он был на самом деле?

С этой горькой мыслью шагнула в поток спешащих к метро людей, растворяясь в утренней суете Петербурга.

И вдруг сердце пропустило удар. Знакомый силуэт мелькнул на другой стороне улицы.

Высокая фигура. Уверенная походка. Темные волосы. На мгновение показалось... Неужели?

Мужчина остановился у светофора, и на долю секунды в голове промелькнула безумная мысль: «Александр? Здесь?»

Глава 7. Алиса

Незнакомец повернулся, и иллюзия рассеялась, как утренний туман. Это был не он. Совсем не он. Мужчина с аккуратной бородкой был чужим, незнакомым.

Быстро отвела взгляд, чувствуя, как

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.